

МИХАИЛ БЕРГ

Андеграунд. Итоги. Ревизия

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург

2 0 2 2

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6
Б48

Берг М.

Б48 Андеграунд. Итоги. Ревизия : [сборник статей] / Михаил Берг. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 351 с. — (Серия «Пальмира — университет»).

ISBN 978-5-517-07502-4

В книгу вошли статьи М. Берга о литературе и культуре. Особое внимание автор уделяет советскому андеграунду, а также анализу русской литературной традиции в постмодернистском преломлении.

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)6

ISBN 978-5-517-07502-4

© Берг М., 2022

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

Неофициальная литературная критика и теория (между концом оттепели и началом перестройки)	6
--	---

АНДЕГРАУНД ПОСЛЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Неофициальная ленинградская литература и эмиграция	40
Структура русской литературы и писательские стратегии до перестройки и после	51
Постколониальный дискурс и проблема успеха в современной русской литературе	65
Неофициальная ленинградская литература между прошлым и будущим	79

ИТОГИ. РЕВИЗИЯ

Кривулин и Пригов. Две стратегии	92
Несколько соображений к биографии В. Кривулина	108
Переводчик чужих мыслей	140
Сдача и гибель антисоветского андеграунда.	150
Драгомощенко во второй культуре	159
Наследники областного КГБ.	180
Андеграунд. Два поколения	202

ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА

Границы, которые мы выбираем	230
Несколько тезисов о своеобразии петербургского стиля	235
Апофеоз беспочвенности, или новый Джеймс Бонд.	243
Без оправдания. Коммунистическая утопия: жизнь после смерти	248
Писсуар как зеркало русской революции	271
Русская скрипка в мировом оркестре (Введение в «Русская литература на Западе как аргумент внутренней конкуренции»)	280

НА ПОЛЯХ

Воспоминания о будущем	298
Чужой среди своих (Борис Дубин)	321
Микроисторический эпизод из мемуаров Л. Я. Гинзбург как пример функционирования символической экономики	336
Всецело одобряю и поддерживаю (памяти Владимира Эрля)	346
Умберто Эко в Петербурге.	349

Неофициальная литературная критика и теория (между концом оттепели и началом перестройки)¹

История неофициальной критики — часть истории становления, самоидентификации и конкуренции поля неофициальной советской культуры. И, прежде всего, — истории появления и функционирования в этом поле таких институций как самиздатские журналы и альманахи, квартирные семинары, конференции, выставки.

Критика — жанр опосредованный, часто интерпретируемый как служебный. В устном, приватном варианте она сопровождает появление практически любого произведения, но собственно как критика (в письменной версии) появляется, если существует инструмент, обладающий прагматической функцией ее воспроизведения и трансляции. Особенно в ситуации литературоцентризма, характерной для советской культуры, когда доминирующая иерархия ценностей резервирует самые высокие места для творчества писателей или поэтов, а критику интерпретирует как занятие принципиально второстепенное, обслуживающее литературу².

Это соотношение было характерно для официальной советской литературы и только усилилось в неофициальной. Автор,

¹ Текст представляет русскую авторизованную версию, опубликованную в: *Literary Criticism of the long 1970s and the Fate of Soviet Liberalism // A History of Russian Literary Theory and Criticism (The Soviet Age and Beyond)* by Evgeny Dobrenko and Galin Tihanov. University of Pittsburgh Press. 2011, pp. 207–230.

² Порицать критику и критиков было принято с пушкинских времен, их ругали и в советской литературе, и в постсоветской. Каждое новое направление в литературоведении (в частности, формалисты и структуралисты) дистанцировалось от традиционной критики, объявляя ее устаревшей. Тем более что некоторые исследователи были писателями, неудовлетворенными оценками собственных практик в современной им литературной критике. В полемически-заостренном виде отношение к критике со стороны писателя-демиурга воспроизвела статья В. Ерофеева *Место критики*, где критикам отводится роль официантов, допивающих за господами вино из бокалов и доедающих остатки на тарелках (см.: Ерофеев 1996: 434–440).

выбравший в 1960–1980-х стратегию неофициального, неподцензурного писателя, куда меньше сомневался в ее ценности, если писал прозу или стихи, нежели если работал в жанре философской или политической публицистики; ну, а критика, как занятие еще менее ценное, в ее более-менее регулярном варианте появляется существенно позднее, только с возникновением первых самиздатских журналов. Да и там очень часто она играет роль соответствия самой форме толстого литературного журнала, воспроизведения канона, характерного для русской и советской культуры, хотя и сохраняет важную функцию дополнения тем и оценок, из-за цензурных ограничений, отсутствующих в поле советской критики.

Более того, ее основной (правда, практически никогда не прокламируемой) задачей является легитимация неподцензурных, нонконформистских практик, для чего используется апелляция к ряду авторитетных предшественников и, напротив, дистанцирование от скомпрометированных стратегий официальной советской культуры. При этом довольно долго язык и подходы неофициальной критики повторяют критику официальную, естественно, за исключением оценок. Приращение, в основном тематическое, идет за счет того, что подвергалось систематическому вытеснению в поле официальной критики; и лишь вместе с процессами структуризации поля неофициальной культуры, критика, модернизируя круг предшествующих авторитетов, начинает обращать внимание непосредственно на практики внутри своего поля и ищет новый язык для их идентификации.

Естественно эти процессы регулируются конкуренцией внутри поля самой неофициальной культуры, постепенным выделением разных направлений и стратегий, имеющих различные адресаты, несовпадающие цели и все более обособляющиеся референтные группы. Именно поэтому на границе 1980-х годов в одних референтных группах критика достигает уровня, обеспечившего ей признание (в том числе мировое) уже в постперестроечный период, тогда как в других остается в рамках до сих пор мало востребованной истории советского андеграунда. Для поздней неофициальной критики суще-

ственной оказываются не столько оппозиция официальная культура — неофициальная, сколько оппозиции эмигрантская культура — мировая и ленинградская неофициальная культура — московская. А также, казалось бы, более мелкие, но при этом чрезвычайно важные структурные оппозиции между разными стратегиями внутри каждой из них, в том числе оппозиция между московским концептуализмом и *спиритуальной* (термин В. Кривулина) ленинградской поэзией.

Однако рассмотрение достижений неофициальной критики невозможно без рассмотрения ее истории.

Конец оттепели

В литературоцентристской культуре исторически знаковыми событиями становится события собственно литературные. Если начало оттепели фиксировали новые, намного более раскованные и непредставимые ранее публикации в советских литературных журналах, то ее конец часто связывают с делом А. Синявского и Н. Даниэля, осужденных за публикации на Западе.

Понятно, что примеры появления неофициальной критики можно было бы найти среди неопубликованных докладов и выступлений во время конференций и семинаров, из-за цензурных ограничений невостребованных впоследствии ни отделами критики толстых журналов, ни при издании трудов конференций. Или среди внутренних рецензий тех же литературных журналов. Но эти образцы, несомненно, существовавшие, не становились общественно важными фактами неофициальной культуры, не распространялись уже существовавшим самиздатом³, не обсуждались за пределами узкой профессиональной группы их авторов.

³ Сам термин принято соотносить с именем поэта Н. Глазкова, распространявшего еще 1940-х среди друзей свои машинописные книжки с обозначением *Самсебяздат*. Хотя первый массовый всплеск советского самиздата был вызван ситуаций вокруг Нобелевской премии Б. Пастернака, официальным преследованием и шельмованием поэта в прессе, и множеством неофициальных откликов и протестов в 1958–59 гг. См. об этом: Гершуни 1979: 207–209.

Поэтому в качестве первых объектов неофициальной критики середины 1960-х имеет смысл рассмотреть ряд материалов самиздатского сборника *Белая книга*, составленного поэтом и журналистом Александром Гинзбургом по материалам судебного преследования Синявского-Даниэля. Здесь нет собственно литературных статей, которые еще не могли появиться, так как не были востребованы только складывающимися институциями неофициальной культуры. Функциональность подчеркивается жанровыми характеристиками, первые образцы литературной критики появляются в жанрах открытых писем и заявлений, использующих, однако, приемы современной литературной критики.

Таково, например, *Заявление в юридическую консультацию* В. В. Иванова. Служебный характер этого текста определяется тем, что он написан в ответ на запрос юридической консультации Бауманского района Москвы, однако структура, аппарат, система аргументации полностью соответствуют жанру внутренней научной рецензии, точнее даже — положительной внутренней рецензии. Основное различие — объект исследования: неподцензурные публикации на Западе художественных и критических сочинений А. Синявского. Однако в этом тексте проявляются все основные принципы будущей неофициальной литературной критики — апелляция к ряду авторитетных предшественников из числа известных дореволюционных писателей, рассмотрение жанра произведения с отсылками к работам авторитетных советских литературоведов, формирование комплиментарного поля оценок, в которое составной частью входит оценка рассматриваемого произведения. Суммируя, можно сказать, что речь идет о выявлении оппозиции литература — *нелитература*, принципиально важной, так как сам суд над Синявским и Даниэлем носил литературный характер. Одной из главных задач суда являлось доказательство, что опубликованные на Западе произведения являются не литературой, а политической провокацией. Высокий сакральный статус литературы как таковой требовал для карающих инстанций сначала провести операцию дезавуирования, то

есть доказать, что преступление совершенно не писателями и не за писательский труд, а за принципиально другую и уже вполне подсудную внелитературную деятельность⁴.

Понимая правила игры, своими аргументами В. В. Иванов относит рассказы Синявского (*Любимов* и *Суд идет*) к вполне легитимной «традиционной для нашей литературы сказовой форме», используя сам термин «сказ», естественно, в терминологическом смысле⁵. Именно в жанре сказа любые высказывания, сделанные даже от первого лица, можно относить к рассказчику, а не автору повести. При поиске предшественников Синявского идет отсылка к таким, безусловно, ценным в поле официальной литературы образцам как *Повести Белкина* Пушкина, практики Гоголя и Достоевского. Сам факт ценности жанра сказ подкрепляется апелляцией к именам таких исследователей как Б. М. Эйхенбаум, Л. С. Выготский (дается даже вполне академическая ссылка на страницу 362 его работы *Психология искусства*, и атрибуция этой работы). Не менее важным представляется авторская интерпретация самого термина литература и характерный вывод: раз сказовая разновидность художественной литературы включается в понятие литература, «проза, написанная в такой художественной форме, в принципе не может служить основанием для привлечения ее автора к уголовной ответственности»⁶.

В описании литературной практики Синявского нет никакой отсылки к неофициальной литературе, напротив, все аргументы, применяемые автором, имеют цель утверждения рассказов и повестей писателя в поле русской классики; но так как рассматриваемая практика не является частью официальной литературы, следовательно, все приведенные аргументы есть факультативное выявление ценности неподцензурной литературы.

⁴ Похожим образом обставлялось судебное преследование любого члена КПСС: прежде всего, его исключали из партии, а затем судили — сакральный статус коммуниста был несовместим с уголовным преступлением.

⁵ См.: Иванов 1990: 460.

⁶ Там же: 461.